

© 1996 г.

К.А. ТАРАСОВ

ОТ НАСИЛИЯ В КИНО К НАСИЛИЮ «КАК В КИНО»?

(На материалах западных исследований)

ТАРАСОВ Кирилл Анатольевич — аспирант социологического факультета Московского государственного университета им. М.Н. Ломоносова.

Существенные изменения, произошедшие ныне во взаимоотношения российского общества и кинематографа, среди прочего заключаются в том, что требование активного вмешательства последнего в жизнь больше не предъявляется. На передний план выдвинулся вопрос о социально ответственном кинематографе. Причины — очевидны. Интеллектуальное и «нравственное» содержание функционирующего репертуара кинотеатров, видео и кабельного ТВ в целом удручающее. Захлестывающая экраны волна насилия и эротики неотвратимо наводит на мысль об эпидемии духовной «интоксикации», жертвой которой становятся многомиллионные зрительские аудитории. При всем том, не подвергнув эту мысль строгой эмпирической проверке, принимать ее за истину нет оснований. Воздействие фильмов на эмоции, социальные установки и поступки человека — процесс, трудно поддающийся объективному исследованию. Обыденное сознание порождает о нем немало мифологически гипертрофированных представлений, а социальная наука на поиски крупиц истины вынуждена затрачивать немало времени, средств и усилий.

К сожалению, эта сравнительно новая для нас проблема пока недостаточно изучена отечественными исследователями. В то же время на Западе, прежде всего в США, она разрабатывается на протяжении десятилетий. Здесь накоплен значительный опыт, ознакомление с которым, несомненно, было бы полезно нашим кинематографистам, социологам и широкой общественности.

Западные исследования воздействия искусства, распространяемого посредством масс-медиа, посвящены преимущественно «вредным» влияниям. В центре внимания — насилие. Наиболее изученным оказался тезис о том, что «криминальные фильмы порождают криминальность» [1, S. 94]. Ниже подробно рассмотрим вопросы, связанные с деструктивным воздействием экранного насилия, опираясь в основном на работы американских ученых.

Первые замеры воздействия экранного насилия

К концу 20-х годов в западных странах накопился огромный «обличительный» материал о содержании «движущейся фотографии» и ее влиянии на зрителей. В Соединенных Штатах директор Национального центра изучения кино У. Шорт составил на этой основе солидный вademecum, отразивший, в частности, уже оформившееся мнение, что рост насильственных преступлений во многом объясняется подражанием молодежи героям экрана [2, p. 69—70].

Труд У. Шорта вызвал заметный общественный интерес к феномену киноподражания, его механизмам, возможностям противодействия ему и т.п. Вместе с тем здоровый критицизм не располагал еще весомыми фактами, которые могли бы послужить надежной базой для выработки планов оздоровления фильмопроизводства. Складывалось убеждение, что на смену умозрительному морализаторству должно прийти исследование проблемы строгими эмпирическими методами. Социальная наука к тому времени уже созрела для решения возникшей задачи [2, p. 134].

Начало ее научного осмысления тесно связано с именем того же У. Шорта. В 1928 г. он добился получения гранта в 200 тыс. долларов от частного Фонда содействия экспериментальной и теоретической науке им. Томаса Пейна. Это позволило создать авторитетную исследовательскую группу из 19 психологов, педагогов, социологов и заниматься на протяжении четырех лет (1929—1933) серьезными изысканиями. В итоговых выводах почти все участники исследования руководствовались убеждением, что на поведение и ценностные ориентации детей и подростков кино оказывает сугубо отрицательный эффект. Роль опосредующих факторов в этом процессе упускалась из виду [2, р. 136]. Лишь в одном из докладов, написанных Г. Блумером и П. Хаузером [3, р. 202], утверждалось, что демонстрация преступности и насилия сказывается особенно болезненно в той среде, где ослаблено влияние таких институтов, как семья, школа, церковь и соседство. Но это осторожное заключение о социальных факторах осталось незамеченным. Большинство членов исследовательской группы и просвещенная общественность, пристально следившая за публикациями итогов изысканий, жаждали «крови» кинематографистов. И она «пролилась». Исследователи обвинили кино в том, что оно внедряет в сознание молодых граждан «вредное» представление о социальной реальности, внушает, будто одним из главных ее составляющих является достижение корыстных целей насильственным или преступным путем [4, р. 64—65].

К резко отрицательным выводам исследователей склоняли и очень популярные в 30-е годы разного рода концепции массового общества и бихевиоризма. С их позиций общественная действенность кинозрелища объяснялась довольно просто: кинематографические стимулы ложатся на глубинные — биологически унаследованные — влечения, эмоции и процессы, подвластные волевому контролю индивида, предосторожного ничтожным атомом в громадном социальном агрегате.

Со временем авторитет подобных теорий неуклонно ослабевал. Конец 50-х годов ознаменовался торжеством концепций либерализма, понимаемого как «комплекс убеждений, проистекающих из главной посылки, что сущность человека — его свобода, и поэтому основная забота в человеческой жизни — изменение мира так, как нам хочется» [5, р. 114]. В этот период благодаря телевидению эскалация экранного насилия приобрела куда более внушительные масштабы. Сочетание двух тенденций — нового взгляда на связь между масс-медиа и индивидом и широкое распространение телевидения — сообщило дополнительные импульсы исследованиям.

Крупное изыскание было проведено под руководством Х. Химмельвейт в пяти промышленных городах Англии (1955—1956). Однако исследователи не обнаружили ни вредного, ни благоприятного последствий, вызываемых насилием на экране [6, р. 215]. Либеральные принципы и воззрения в этой работе проявились весьма слабо. Зато отчетливо они дали себя знать в изыскании, проведенном (1958—1960) в различных регионах США и Канады. У. Шрэм, Дж. Лайл и Э. Паркер пришли к выводу, что если у подростка не наблюдается психической склонности к агрессии, если в семье он окружен заботой, любовью и лаской, если хорошо вписывается в группу сверстников, то имитация им насилия, увиденного в кино, а тем более правонарушения практически исключена [7, р. 143—146]. Эти положения бросали тень не на кинематограф, а уже на само общество, его институты и были более «неудобны»: одно дело изменить содержание зрелищных программ, и совсем другое — помочь неблагополучным семьям и «трудным» подросткам. Сделать экран «козлом отпущения» намного проще. Тем более, что косвенный «компромат» на него заключался в масштабах насильственных акций, имевших место в самом обществе в 60-е годы (всплеск негритянских волнений в крупных городах США, молодежные бунты, убийство Дж. Кеннеди и т.д.). Все это вкупе с общим состоянием преступности остро ставило вопрос о причинах беспорядков в стране и требовало критического взгляда на деятельность аудиовизуальных средств. В результате была создана Национальная комиссия по изучению причин и предотвращению насилия (1968). Год спустя работающая под ее началом специальная исследовательская группа резюмировала: просмотр фильмов, смакующих насилие, увеличивает возможность агрессивного поведения [8, р. 600—601].

Каков, однако, был логический статус данного суждения? Сколь доказательно оно аргументировано?

Подтверждение гипотезы о причинно-следственной связи

Заключениям комиссии не доставало твердости, категоричности, и это вынудило сенат, поддержанный самим президентом Р. Никсоном, создать в 1969 г. Научно-консультативный комитет по изучению телевидения и социального поведения при Министерстве здравоохранения. В отчете комитета, подготовленном в 1972 г., констатировалось, что существует определенная причинно-следственная связь между насилием на экране и насилием в жизни [9, р. 9—12]. Столь серьезный вывод всколыхнул всю общественность, способствовали интенсификации соответствующих исследований. Около 90% исследований, касающихся этой темы, приходится на 70-е годы. Тем не менее культ насилия в кино и на ТВ не ослабевал. По оценке экспертов, период с 1970 по 1978 г. стал наиболее урожайным [10, р. 84]. В самых кассовых кинофильмах центральное место отводилось убийствами, изнасилованиям, изнасилованиям и пр. Отточенность сюжета, проникновение в глубины человеческих взаимоотношений, сложные социальные коллизии отступали далеко на задний план. На телевидении «рекордными» оказались 1974, 1976 и 1978 гг. [11, р. 168], когда 88% передач содержали сцены с насилием.

В 1977 г. телевидению, пожалуй, впервые был предъявлен иск. Судебному разбирательству подвергся такой случай. 15-летний житель Майами убил 83-летнюю соседку за ее угрозы рассказать полиции о совершенной им краже со взломом, невольной свидетельницей которой она явилась. Суд приговорил подростка к пожизненному заключению. Но его адвокат, вооружившись показаниями родителей, обвинил все три общенациональные телекомпании (ABC, NBC, CBS) в «интоксикации» его клиента посредством сцен насилия [12, с. 467]. Родители обвиняемого предъявили иск в 25 млн. долларов. Судом, правда, вынесено решение в пользу ТВ.

Чтобы проанализировать научную информацию, полученную в 70-е годы, и выработать более эффективные подходы к проблеме, в 1980 г. был образован второй Научно-консультативный комитет, который по прошествии двух лет, обобщив данные 2 500 исследований, уверенно повторил вывод своих предшественников: насилие на экране ведет к насилию реальному, особенно подростковому [13, с. 14—17].

Экспериментальные изыскания.

Стремление превратить гипотезу в доказательный аргумент побуждало исследователей к проведению специальных экспериментов, начало которым положил А. Бандура [14, р. 123—125]. В ходе экспериментальных работ, осуществленных под его руководством в первой половине 60-х годов, детской аудитории показывали, к примеру, снятого на киноленту взрослого, бьющего палкой большую куклу. После этого дети играли в комнате, а экспериментатор скрыто наблюдал за ними. Как правило, оказывалось, что в экспериментальной группе при общении детей агрессивные проявления обозначались намного ярче, чем в контрольной группе, не смотревшей указанную ленту.

Этот факт А. Бандура объяснял, опираясь на выдвинутую им концепцию научения с помощью наблюдения. Ее сторонники сформулировали три условия, наличие которых содействует практическому воспроизведению экранного насилия или научению ему:

— зритель, в данном случае ребенок, должен воспринимать происходящее на экране адекватно, т.е. понимать, кто герой, кто злодей, суть конфликта между ними и т.д.;

— способ совершения экранного насильственного действия должен соответствовать психофизическим качествам ребенка, иначе он просто не сможет подражать;

— герой должен обладать определенным Потенциалом для положительной оценки зрителем; лишенный привлекательности персонаж исключает возможность подражания [15, р. 291].

Многочисленные эксперименты в 1972—1975 гг. вновь и вновь подтверждали, казалось бы, установленную истину; непосредственно после просмотра фильма испытуемые подражают экранному насилию. Но ведь они проводились в искусственных условиях, далеких от действительности. Вот почему на смену лабораторным экспериментам пришли полевые. Так, в 1984—1986 гг. в трех канадских поселках городского типа был проведен крупный

эксперимент. Один из этих поселков лишь в 1984 г. был подключен к общенациональной системе ТВ. Исследователи дали ему название «Ноутел». Остальные были подключены двумя годами раньше. Их условное название — «Унител» (только одна общенациональная телепрограмма) и «Мультиел» (несколько программ). Для сбора первичной информации использовалось скрытое наблюдение за школьниками на игровых площадках и оценивалась их агрессивность [16].

Было обнаружено, что уровень агрессивности школьников младших классов (6—11 лет) из «Ноутела», в отличие от проживавших «Унителе» и «Мультиеле», где он оставался неизменным, неуклонно повышался в течение двух лет — он одинаков и в физическом, и в вербальном измерениях, в равной степени среди мальчиков и девочек, среди шести-, девятилетних, среди изначально агрессивных и неагрессивных, наконец, среди смотревших ТВ подолгу и только урывками.

Но наибольшее распространение получили все же традиционные методики опроса. При этом осуществлялись также лонгитюдные (неоднократные длительные наблюдения одних и тех же объектов) и ретроспективные исследования.

Опросные исследования. Здесь выделяются три довольно значительных по величине выборки работы. В 1972 г. Дж. Макинтайер, Дж. Тивэн и Т. Хартнейгель [17, р. 410—413] отобрали 2 260 учащихся старших классов 13 школ американского штата Мэриленд. Дабы установить «массу» потребляемого ими экранного насилия, исследователи обратились к каждому респонденту с просьбой определить четыре очень понравившиеся им телепрограммы или телесериала. Одновременно путем опроса родителей и учителей были получены сведения о различных проступках школьников с применением насильственных действий. Выявилось, что предпочтение сериалов и передач, насыщенных высоким содержанием криминала, находится в положительной связи с участием школьников в крупном хулиганстве (порча школьного имущества, драки и др.) и недостойным поведением (сквернословие, игнорирование требований родителей и учителей и т.п.).

В том же году Дж. Робинсон и Д. Бакмэн отобрали вероятностным методом 1,5 тыс. юношей — выпускников школ (18—19 лет) в разных регионах США, задали им две группы вопросов. В первой, например, были такие: «Участвовали ли Вы за предыдущие 12 месяцев в серьезной драке в школе или на работе?», «Воспользовались ли Вы хотя бы раз в своей жизни ножом, дубинкой или пистолетом в корыстных целях?» Вторая группа вопросов касалась телевизионных пристрастий юношей. Обнаружилась определенная положительная зависимость между частым обращением к экранному насилию и агрессивностью в межличностных отношениях [18, р. 379—383].

Обследовав 3 500 учащихся 3—12-х классов в одном из городов на юге США в 1984 г., У. Торнтон и Л. Войт зафиксировали небольшую, но статистически значимую связь между хулиганскими выходками и предпочтением экранного насилия другим формам развлечений [19]. Корреляция с крупным хулиганством оказалась более тесной.

Лонгитюдные исследования. Они начаты в 1963 г. коллективом ученых, руководимых Л. Изроном. Родителям 875 школьников в возрасте 8—9 лет предложили назвать четыре наиболее любившиеся их детям телепередачи. Полученные ответы были сгруппированы по четырехбалльной шкале — в зависимости от количества передач, содержавших насилие. Чтобы оценить уровень агрессивности обследуемых учеников, одноклассникам задавался ряд вопросов типа: «Кто в Вашем классе часто толкает и колотит других?»

Девять лет спустя исследователям удалось найти 427 человек из первоначальной выборки. У них, уже выпускников школы, опять-таки спросили о четырех наиболее полюбившихся телепередачах. Как и раньше, ответы свели в четыре группы. Одноклассники тоже были опрошены по прежней методике. Сопоставление итогов двух замеров с интервалом в девять лет обнаружило несомненную обусловленность между пристрастием в детстве (8—9 лет) к телепередачам с насилием (в основном в фильмах) и агрессивным поведением в юности (17-18 лет). Корреляционный коэффициент равнялся 0,31 [20, p. 258—263].

За пионерской работой Л. Изрона и его коллег последовали другие лонгитюдные изыскания. Особый интерес представляет исследование, проведенное параллельно в Австралии, Финляндии, Израиле, Польше и США (1983—1986). Его авторы пришли к двум любопытным выводам. Во-первых, частота, с которой мальчишки-подростки смотрят фильмы с насилием, позволяет сделать статистически значимое предсказание степени серьезности правонарушений, совершаемых ими в возрасте 30 лет [21, p. 11 — 12]. Во-вторых, кумулятивный эффект экранного насилия может способствовать выработке у подростков специфических установок и поведенческих норм, подтолкнуть к насильственному разрешению конфликтов. Ситуацию не меняет тот факт, что ближе к 30 годам люди реже пользуются телевидением или ходят в кино. По мнению С. Кэмпбэлл, экранные образы могут достаточно долго сохраняться в памяти человека, не подвергаясь контролю со стороны критического самосознания [22, p. 9]. Вполне возможно, что в реальной конфликтной ситуации, сходной с одной из увиденных на экране, человек поведет себя согласно «заученному сценарию».

Ретроспективные исследования. В 1972 г. Дж. Маклауд, К. Эткин и С. Чэффи проинтервьюировали 624 старшеклассников, выясняя количественные показатели просмотра ими 65 программ ТВ и кинокартин, показывавшихся на протяжении нескольких лет. Респондентам были заданы и вопросы, касавшиеся возможного собственного поведения в гипотетических конфликтных ситуациях. Собранный материал не оставляет сомнений в существовании известной соотносительности частого просмотра в прошлом телепередач и фильмов, изобилующих насилием, с агрессивностью поведения в настоящем [23, p. 222—225].

В 1977 г. в Лондоне У. Белсон провел необычное исследование. Не без помощи юных ассистенток привлекательной внешности исследователи добились согласия большой группы мальчиков 13—16 лет на интервью, состоявшее из двух частей. В первой у каждого подростка выяснялось, совершал ли он противозаконные акты насилия на протяжении предшествующих шести месяцев. Чтобы настроить ребят на искренний лад, их сначала просили анонимно разложить на две стопки карточки, в которых назывались те или иные преступления («попытка к изнасилованию», «нанесение телесных повреждений тяжелым инструментом», «ложные звонки в полицию о бомбах, заложенных в общественных местах» и т.п.). В одну нужно было включить карточки с названиями правонарушений, которые подросток совершил, в другую — с названием правонарушений, которых он не совершал. После этой процедуры с каждым подростком проводилась обстоятельная беседа. В завершение молодым людям предлагали припомнить, много ли раз они смотрели телепрограммы и фильмы, различавшиеся по количеству и типу демонстрируемого насилия [24].

Данная методика позволила разделить подростков на тех, кто сталкивался с экранным насилием редко и на тех — кто часто. Последующий сравнительный анализ показал, что вторая группа совершила неизмеримо больше насильственных актов, чем первая. Для проверки вывода о причинно-следственной связи между восприятием подростками экранного насилия и их агрессивным поведением исследователям пришлось рассмотреть обе группы сквозь призму огромного количества переменных величин, включая благополучность семьи, район проживания, круг друзей и т.д.

Из этой закономерности, установленной западными исследователями, напрашиваются два практических суждения, прямо относящихся к взаимодействию сегодняшнего вестернизированного кинематографа и российского общества. Во-первых, можно считать научно обоснованным фактором, что он среди прочего оказывает деструктивное влияние на наших зрителей. Данный вывод тем более

верен, что насилие шествует по отечественным экранам на фоне крушения господствовавших в доперестроечное время социальных институтов, идеалов и ценностей, заметного упадка нравственности. В обстоятельствах дезорганизационных процессов сдерживающая роль опосредующих факторов неизбежно снижалась, что способствовало углублению негативного воздействия насилия, изображаемого экраном, на сознание многомиллионных масс. Во-вторых, соответствующие социальные институты обязаны выработать систему мер, способных ослабить разлагающую силу криминогенного кинозрелища, обеспечить, в частности, правовую и психологическую защиту детей и подростков.

Трудно сказать, когда российское общество всерьез обеспокоится своим нравственным здоровьем и подвигнет социологов на изучение «следов», оставляемых экранным насилием. Какое-то — скорее всего длительное — время в освоении злободневной проблематики нужно будет отталкиваться от опыта западных ученых. Но полностью ли переносимы их умозаключения, сделанные в условиях стабильного, благополучного западного социума, на нынешнюю российскую почву? При погружении в мир экранного насилия у фрустрированной самой жизнью личности, возможно, еще острее возбуждается агрессивное чувство и она активнее преломляет в своем сознании художественно выраженные образцы антисоциального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bisky L., Wiedemann D.* Der Spielfilm. Rezeption und Wirkung. Berlin: Kunst und Gesellschaft, 1985.
2. *Sklar R.* Movie-Made America: a Social History of American Movies. New York: Random House, 1975.
3. *Blunter H., Hauser P.M.* Movies. Delinquency and Crime. New York: Macmillan, 1933.
4. *Forman H.J.* Our Movie-Made Children. New York: Macmillan, 1933.
5. *Grant G.* Technology and Empire. Toronto: House of Anansi, 1969.
6. *Himmelweit H., Oppenheim A.N., Vince P.* Television and the Child. London: Oxford University Press, 1958.
7. *Schramm W., Lyle J., Parker E.B.* Television in the Lives of Our Children. Stanford, Ca: Stanford Univ. Press, 1961.
8. *Baker R.K.* Media Task Force Staff. The Views, Standards and Practices of the Television Industry / *Baker R.K., Ball S.J.* Mass Media and Violence. V. 9. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969.
9. *Comstock G.A.* New Research on Media Content and Control (Overview) / *Comstock G.A., Rubinstein E.A.* (eds.) Television and Social Behavior. Vol. 1. Media Content and Control. Wash., D.C.: U.S. Govt. Printing Office, 1972.
10. *Berger G.* Violence and the Media. New York: Franklin Watts, 1989.
11. *Lowery S.A., DeFleur M.* Milestones in Mass Communication Research. Media Effects. New York: Longman, 1988.
12. *Agee W.K., Ault P.H., Emery E.* Introduction to Mass Communications. New York: Harper and Row, 1985.
13. Television and Behavior: Ten Years of Scientific Progress and Implications for the Eighties. / *Pearl D., Boitthilet L., Lazar J.* (eds.). V. 2. Rockville, M.D.: National Institute of Mental Health, 1982.
14. *Bandura A.* What TV Violence Can Do to Your Child? *Larsen O.N.* Violence and the Mass Media. New York: Harper and Row, 1968.
15. Seeing Ourselves. Media Power and Policy in Canada. *Holmes H., Taras D.* (eds.) Toronto: Harcourt Brace Jovanovich, 1992.
16. The Impact of Television: a Natural Experiment in Three Communities / *Williams T.M.* (ed.) New York: Academic Press, 1986.
17. *Mdntyre J.J., Teeven J.J., Hartnagel T.* Television Violence and Deviant Behavior / *Comstock G.A., Rubinstein E.A.* (eds.) Television and Social Behavior. V. 3. Television and Adolescent Aggressiveness. Wash., D.C.: U.S. Govt. Printing Office, 1972.
18. *Robinson T.R., Bachman J.G.* Viewing Habits and Aggression / *Comstock G.A., Rubinstein E.A.* (eds.) Television and Social Behavior. V. 3. 1972.
19. *Thornton W., Voight L.* Television and Delinquency // Youth and Society. 1984. V. 15. N 4.
20. *Ezop L.D., Huesmann L.R., Lefkowitz M.M., Walder L.O.* Does Television Violence Cause Aggression? // American Psychologist. 1972. V. 27. N 4.
21. *Huesmann L.R., Eron L.D.* The Development of Aggression in Children of Different Cultures: Psychological Processes and Exposure to Violence / *Huesmann L.R., Eron L.D.* (eds.) Television and the Aggressive Child: a Cross-national Comparison. Hillsdale, N.J.:

Laurence Elbraum Associates, 1986.

22. *Campbell S.* Media Violence: a New Report on Television Violence // FWATO Newsletter. 1992. V. 11. N 2.
23. *Mcleod J.M., Atkin C.K., Chaffee S.H.* Adolescents, Parents and Television Use: Adolescent Self-report Measures from Maryland and Wisconsin Samples / *Comstock G.A., Rubinstein E.A.* (eds.). V. 3, 1972.
24. *Belson W.A.* Television and the Adolescent Boy. Farnborough, England: Saxon House, 1978.